ТАЙНА ИСПОВЕДИ

ДЕНИС ЖЕЛЕЗНОВ

Детектив честной игры

LitRes

Денис Железнов
Тайна исповеди

https://litres.ru/74750249
SelfPub; 2026

Аннотация

Дебютный детективный роман, про тихий тирольский городок, где колокольный звон церкви размеряет жизнь вернее часов. Однако, в тихом краю одна за другой случаются смерти, которые поначалу никто не решается назвать убийствами. Следователь из Инсбрука и журналист, готовый рискнуть репутацией ради истории. Священник, связанный тайной исповеди. Каждый знает свою часть правды, и ни один не видит целого.

Содержание

Глава 1 "Первая исповедь" 4
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Денис Железнов
Тайна исповеди

Глава 1 "Первая исповедь"

Томас, начало февраля 1953 года

Отец Томас разжал пальцы над могилой и, услышав, как комья земли стукнули по крышке гроба отступил, уступая место следующему. Над кладбищем еще звучал погребальный колокол, но люди уже двигались вдоль края могилы, и Томасу приходилось следить, чтобы никому не мешать.

Мертвых Томас давно перестал бояться, но среди живых оставался человек, о котором он знал слишком много, и, пока тот был на свободе, за этой могилой могла появиться следующая. Томас попытался вспомнить имя покойного, которое только что несколько раз произносил на отпевании. Он помнил, где остановился, чтобы перевернуть страницу, помнил вдову перед собой, а имя, необходимое еще минуту назад, никак не находилось.

Три могилы были видны с того места, где он стоял. Третьего хоронили уже в феврале. Томас смотрел на осевший снег на первых двух холмиках и думал, что мог помешать этому. Чем именно, он спрашивал себя каждую ночь, а к утру всегда находились причины, по которым ни один ответ не

годился. Могил от этого не становилось меньше.

Снег таял на плечах и стекал под застегнутый воротник, который прежде прилегал к шее, а теперь, когда Томас за зиму похудел, пропускал и холод, и воду. Он поднял руку, пригладил мокрые седые волосы и снова опустил ее; отряхнуть пальто почему-то не догадался, хотя именно для этого, кажется, и поднимал руку.

Томас смотрел, как люди расходятся по обледенелой дорожке: кто-то задерживался поправить ленту на венке, кто-то придерживал соседку за локоть, прежде чем позволить ей ступить на лед. Он видел эти руки каждое воскресенье и обычно находил, что сказать каждому из уходящих, но сегодня ждал только, когда дорожка наконец опустеет.

***

Октябрь 1952 года.

Пятничные исповеди обычно заканчивались к половине восьмого. За час приходило десять-пятнадцать человек; Томас узнавал почти всех еще до того, как они начинали говорить.

Пришедшая к семи Агнес Кребс опять пересказывала чужие дела, с прежней настойчивостью уверяя, что сплетен не распространяет, а следом за ней явился мальчик лет двенадцати со списанной контрольной. Тот так торопился поскорее во всем признаться, что Томасу пришлось сначала попросить его перевести дыхание.

К половине восьмого церковь опустела, и Томас, услышав

у входа шаги последней прихожанки, уже потянулся к занавеске, когда открылась соседняя дверца. Человек входил осторожно, придерживая ее, чтобы не скрипнула, и священник убрал руку, приготовившись слушать.

– Простите меня, отче, ибо я согрешил.

Томас ответил привычными словами и приготовился слушать.

– Отче, я знаю, что должен буду сделать нечто, чего не смогу остановить.

Томас выпрямился, вслушиваясь в наступившую тишину: по ту сторону решетки явно ждали ответа, хотя он еще не понимал, на что должен отвечать.

– Расскажите, что вас тревожит.

– Скоро откроется первая печать. Я не выбираю это сам, отче. Это выбрано задолго до меня, гораздо раньше, чем я родился. Я лишь исполняю то, что должно быть исполнено, шаг за шагом и имя за именем. Это только первая, а дальше будут другие.

Человек говорил спокойно, как о чем-то уже обдуманном, и Томас подождал, надеясь, что за этими странными словами последует объяснение.

– Что вы называете печатью?

– Человек умрет, отче. Скоро. Я знаю, кто, знаю почти наверняка когда, и я не могу – не имею права – этому помешать. Это не убийство в том смысле, в каком вы, наверное, сейчас подумали. Это… завершение. Часть чего-то больше-

го, чем я сам.

На слове «завершение» человек коротко вдохнул, и Томас узнал голос. Глядя на решетку, он уже набрал воздух, чтобы обратиться по имени, как делал всякий раз, когда разговор становился трудным и собеседнику нужно было напомнить, что его знают и готовы выслушать.

– Не называйте меня, – сказал человек. – Здесь вы принимаете исповедь.

Томас закрыл рот, так и не произнеся имени, которое еще мгновение назад казалось естественным началом разговора.

– Отче?

– Я слушаю.

– Я не прошу отпущения за то, что еще не случилось. Я прошу… Не знаю, чего я прошу. Может быть, просто чтобы кто-то знал. Чтобы это не происходило совсем в тишине, без единого свидетеля на всей земле.

Томас положил ладонь на край сиденья.

– Вы можете отказаться от этого. Сейчас. Если боитесь, что не справитесь один, обратитесь за помощью, в полицию, прежде чем кто-нибудь пострадает.

– Обратиться, – повторил голос. – Отче, если бы я собирался остановиться, зачем бы я говорил вам все это? Решение принято. Мое дело теперь – нести его, не бежать от него.

– Тогда зачем вы здесь?

В тесной исповедальне вопрос прозвучал слишком громко. Томас услышал, как за решеткой шевельнулась одежда.

– Потому что потом вы будете служить. Для него. Родные встанут перед вами, будут спрашивать, почему. Вы скажете положенное.

– Я не соглашался быть частью этого.

– А согласия я и не прошу.

Томас хотел спросить о человеке, над которым ему предлагали заранее готовиться читать молитву. Он открыл рот, но собеседник продолжил:

– Я не могу сейчас назвать вам имя, отче. Но я хотел, чтобы вы знали: то, что случится, случится не по злобе. Это милосердие в форме, которую вы, боюсь, никогда не сможете принять как милосердие. Простите меня заранее – за то, чего вы еще не знаете, но скоро узнаете.

Томас подался к решетке, пытаясь вклиниться в чужую речь: надо было спросить, кого тот имеет в виду, сколько осталось времени, удержать его здесь хотя бы еще на несколько минут. Но человек уже произносил заключительные слова, и, прежде чем Томас успел задать хоть один вопрос, щелкнула щеколда.

– Подождите.

Дверца закрылась, а Томас остался сидеть, так и не произнеся отпущения, и слушал удалявшиеся по каменному полу шаги. Когда хлопнула входная дверь, он все еще пытался выбрать вопрос, с которого следовало начать.

***

За месяц до этого. Сентябрь 1952 года

В сентябре колокол еще собирал людей на праздник. Гриммель звонил коротко, три раза подряд: стадо показалось на верхней дороге. Томас вышел из церкви и остановился на ступенях. Сначала были слышны только колокольцы, потом из-за поворота показались еловые ветки на рогах. Альмабтриб. С горных пастбищ возвращались коровы, а вместе с ними в город возвращалось ощущение, что лето закончилось вовремя и все пока идет как следует.

Коровы шли неторопливо, узнавая дорогу. Дети тянулись к ним, взрослые придерживали детей за плечи. От палаток на площади пахло выпечкой; кто-то уже разливал пиво, хотя до полудня оставалось время.

Впереди шла корова Йозефа Ратца. Венок у нее был гуще, чем у остальных, алая лента – новая. Ратц держал повод обеими руками и улыбался каждому, кто его окликал. Под семьдесят лет, сорок из них водит стадо этой дорогой, а все еще волнуется перед благословением.

Возле придорожного распятия корова остановилась и мотнула головой. Алая лента развязалась; один конец повис почти до земли. Ратц придержал корову за повод и снова привязал ленту к венку. Люди обошли его с обеих сторон. Томас подождал, пока он подведет корову к церкви.

Гертруда Пихлер собирала детей воскресной школы в полукруг и пересчитывала. Эльза присела перед самой маленькой девочкой завязать ей шнурок. Подняв голову, увидела Томаса и улыбнулась ему через площадь – приветливо, как

улыбалась ему при встрече каждое воскресенье. Он ответил ей и перевел взгляд на стадо.

У бочки с пивом Фриц Кляйн вскинул голову:

– Отец, кружку за счет заведения, как обычно?

Томас улыбнулся, покачал головой: рано еще. На секунду он узнал прежнего Фрица, который мог разговориться с человеком, зашедшим спросить дорогу, и задержать его до ужина. Но Кляйн уже отвернулся к стаканам. Томас хотел окликнуть его, спросить, как дела, и не стал. На площади это был бы вопрос, на который оба заранее знали ответ.

Со ступеней церкви он произнес благословение, как произносил здесь уже тринадцать раз. Затем спустился к Ратцу и окропил корову святой водой. Ратц расправил плечи.

– Хороший год будет, святой отец. Чувствую.

– Дай Бог, Йозеф.

Тогда Томас сказал это без усилия.

К вечеру на площади остались несколько компаний. Разговоры продолжались, хотя столы уже убирали. По дороге домой Томас оглянулся: Гриммель подметал солому и лепестки венков, обходя людей с таким терпением, будто уборка тоже была частью праздника. Томас поднял руку на прощание. Гриммель кивнул и указал метлой на еще не убранную половину площади.

***

Крыша ризницы снова протекла еще весной, и теперь, перед осенними дождями, откладывать ремонт было нельзя,

как бы убедительно ни выглядели цифры в смете. Томас проверил итог, потом заново сложил суммы по строкам, надеясь обнаружить ошибку, которая хотя бы немного облегчила бы предстоящий разговор с советом. Ошибки не было, а собрать столько денег приход не мог.

На полях он написал: «Спросить у совета насчет ярмарки». В прошлом году совет предлагал подождать. Мокрое пятно на потолке с тех пор выросло, и теперь под ним нельзя было оставлять книги. Томас положил смету поверх остальных бумаг, чтобы утром не забыть позвонить старосте приходского совета.

Смету он взял с собой в церковь. В ризнице капало с потолка; на полу стояло ведро. Томас переставил книги и записал имена тех, кого хотел попросить помочь. До вечерних исповедей оставалось время.

Погасив перед уходом свечи в боковом приделе, Томас вернулся в ризницу, снял облачение и взял с полки четки. Пальцы привычно перебирали гладкие, потемневшие от прикосновений бусины, но молитва все не начиналась: мысль, зацепившись за одно приходское дело, переходила к следующему.

В конце сентября будет четырнадцать лет, как он сюда приехал. Осень тридцать восьмого. У ратуши уже висел новый флаг; в церкви люди старались не задерживаться после службы. Первую неделю Томас чувствовал себя сосланным. Потом появились люди, к которым надо было зайти, дела,

которых больше некому было сделать. Когда именно он перестал думать об отъезде, Томас не помнил.

Нужно было еще раз поговорить с советом о крыше. Он заранее знал, кто предложит потерпеть до весны. На этот раз следовало привести их в архив и показать слипшиеся книги, прежде чем они начнут считать деньги.

За решетчатым окном начиналось кладбище, и Томас подошел ближе, пытаясь разглядеть дорожку между могилами, но в стекле отражалась лампадка, мешая смотреть наружу. На дорожке, насколько он мог судить, никого не было; постояв еще немного, он положил четки на полку и пошел гасить свет.

***

Маркус, конец августа – сентябрь

28 августа.

Добрался до Браунталя с двумя пересадками, причем в последнем вагоне оказался единственным пассажиром моложе шестидесяти и к маленькому перрону вышел с приятным ощущением собственной молодости. Комнату снял у фрау Хубер над бывшей пекарней, которая закрылась лет пять назад, хотя по запаху хлеба на лестнице этого не скажешь: хозяйка до сих пор печет для соседей. По ее словам, жильцы быстро перестают замечать этот запах. Пока мне кажется, что для этого нужно прожить здесь довольно долго.

В Инсбруке на перроне французский солдат попросил у меня огня. Спички отдал, зажигалку придержал. Отцовская.

Он вернул коробок и поблагодарил по-немецки прежде, чем я успел ответить по-французски. Здесь, у хозяйки, мне сперва показали комнату, потом велели не сушить пленки над хлебным столом. Кладовку для проявки уступили после того, как я пообещал снять ее внуков бесплатно.

Приехал «за тишиной». Удобная формулировка: после нее обычно не спрашивают, почему именно сюда. После Вены, Сабины и сокращения в редакции выбор у меня был небогатый. Хаслингеру из «Тирольского вестника» нужен человек на ярмарке и юбилее в этой части провинции. Платить обещал мало, зато честно.

Сказал, что меня устраивает. Его честность еще предстоит проверить; мою он только что проверил и, кажется, решил не придираться.

***

3 сентября.

Альмабтриб. Весь город вышел встречать стадо, и я вместе с ним – фотографировать для третьей полосы. Час простоял с камерой на шее. Снимков почти нет, зато знаю, чья корова идет первой и почему хозяину нельзя предлагать помочь с поводом.

Хозяина зовут Ратц, и за сорок лет, которые он водит стадо этой дорогой, здесь, кажется, не осталось человека, не считающего своим долгом его поздравить. Ратц отвечает всем, ничуть не уставая от внимания, а я упустил лучший кадр: когда священник окропил корову, старик так заулы-

бался, что я некоторое время просто смотрел на него, забыв о камере.

У моста полицейский с большим достоинством останавливал ровно ноль машин. Представился: Ханс Мауэр. Спросил его, часто ли здесь случаются происшествия.

“Олень иногда выйдет на дорогу,” сказал он серьезно. “Больше особо нечему случаться.”

Священник на ступенях церкви заметил, что я на него смотрю, и коротко кивнул. Невысокий, худой; волосы у висков совсем седые, хотя стариком он не выглядел. Когда к нему подошла женщина с ребенком, он наклонился, чтобы расслышать мальчика, и так и остался стоять, придерживая полы сутаны. Я хотел познакомиться, но его сразу окружили. На снимке остались чужие спины и его голова над плечом Ратца.

Хозяин гостиницы крикнул ему через площадь про пиво за счет заведения и опять замолчал. Спросил у бакалейщика Байера, всегда ли Кляйн такой неразговорчивый: “Не всегда был.”

Байер помолчал и заговорил о цене на муку. Я поддержал. В первый же разговор настаивать на чужих несчастьях – верный способ больше ничего не услышать.

Рядом стояла молодая женщина с детьми. Оказалось, младшая дочь Байера, Эльза, ведет воскресную школу. Спросил, замужем ли она. Тут про муку выяснилось еще кое-что существенное.

***

5 сентября.

Провел вечер в «Цум Адлер», прислушиваясь к разговору за соседним столом, где обсуждали ремонт крыши на здании общины: подрядчик просит больше, чем заложили. По старой привычке потянулся к блокноту – муниципальные деньги были моей специализацией, – но вовремя убрал руку. Пока это всего лишь подорожавшая крыша, а мне платят за ярмарки, и хорошо бы сначала заработать хотя бы на них.

Кто-то вспомнил, как прошлой зимой протекла крыша ризницы и залило архив. “Хорошо хоть не самое ценное.”

Блокнот все-таки достал. Интересно, кто определял ценность и успел ли прочитать промокшее.

Позже за стойкой назвали Штайнера. Землю на северной окраине опять не поделили, но «старик все равно продаст, вопрос времени». Я повернул голову, разговор сменился. За неделю успел привыкнуть, что на меня не обращают внимания. Оказалось, все-таки обращают, просто вежливо. Записал фамилию.

Спросил Кляйна, давно ли он держит гостиницу: “Всегда держал”.

Он поставил передо мной пиво и занялся следующим посетителем. Пожалуй, на сегодня достаточно “интервью”.

***

8 сентября.

Пошел в приходской архив. Маленькая комната рядом с

ризницей, пахнет старой бумагой и мышами. Представился газетой и меня пустили без вопросов. После венских пресс-служб я еще некоторое время ждал, когда выяснится, что чего-нибудь не хватает: письма, согласования, человека, имеющего право согласовать письмо.

Коробки в дальнем углу разбухли от сырости. Листы слиплись; попробовал разъединить два, услышал треск и оставил. На одной папке выцветшими чернилами: «Фогль, 1890-е».

Настоятель, служивший здесь в конце прошлого века. Переписка с епархией, черновики проповедей. Часть страниц отсутствует, часть не прочитать. Одна запись обрывается на полуслове, следующая относится уже к другому году.

Пока неясно, потерялись листы или их вынули. Сырость многое объясняет, но не все и явно не отсутствие страниц. Чтобы понять, что именно исчезло, надо прочесть остальное, разобраться в датах, поискать ответы на письма. На заметку об осенней ярмарке мне столько времени не дадут.

Закрыл папку. Сфотографировал корешок – для порядка, конечно. На всякий случай переписал надпись в блокнот: пленка у меня уже однажды оказалась надежно заправлена мимо катушки.

***

20 сентября.

Заходил в ратушу за справкой насчет осенней ярмарки. Гертруда Пихлер искала нужный бланк и между делом сказала: “Вам тут понравится, если сами не станете лезть, куда

не просят”.

Я улыбнулся так, будто получил полезный совет, и послушно выслушал объяснение, какую графу в найденном бланке нужно оставить пустой. Ответ, который следовало дать Пихлер, пришел в голову уже на улице; реплика получилась хорошая, только возвращаться ради нее в ратушу было бы несколько странно.

Папку Фогля из головы не выбросил. Решил подождать до конца октября, вдруг появится повод вернуться в архив по работе. Записываю это двадцатого сентября, но конца октября, скорее всего, не дотерплю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.